

УТВЕРЖДАЮ

И.о. проректора по научной работе
Санкт-Петербургского государственного университета

С. В. Микушев

_____ 2019 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» о диссертации Аркадьева Петра Михайловича «Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа)», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Представляется уместным начать обзор диссертационного исследования П. М. Аркадьева с названия. Оно состоит из основной части, отсылающей к объекту исследования, и подзаголовка: «на материале языков Европы и Кавказа». Подзаголовки подобного рода зачастую не выглядят оправданными: во многих исследованиях, в том числе диссертационных, значимость полученных результатов ограничивается именно теми языками, которые рассматриваются, а формула «на материале языков X», вынесенная из заголовка в подзаголовок, отражает стремление автора искусственно придать работе более высокий уровень обобщения. Однако в данном случае структура названия абсолютно адекватна: хотя непосредственным объектом рассмотрения являются

языки (восточной) Европы и Кавказа, значимость полученных результатов далеко выходит за рамки проанализированного ареала. В частности, очень ценными представляются общие выводы о том, что заимствование отдельных типов употреблений показателей далеко не обязательно приводит к уподоблению языковых систем в целом, в частности, не всегда имеет результатом формирование грамматических категорий (с. 299 и др.).

Не менее важным, хотя в определенном смысле отрицательным, является и вывод автора, касающийся практики постулирования контактного развития на основании структурного сходства и географической смежности сопоставляемых языков. На материале языков Восточной Европы и Кавказа П. М. Аркадьев показывает, что «наблюдаемая в синхронии картина значительных сходств грамматических систем или подсистем географически смежных языков не всегда непременно имеет своим единственным или основным источником контактную конвергенцию даже в тех случаях, когда можно доказать, что эти сходства или их значительная часть носят инновационный характер» (с. 330). Представляется, что значение этого общеметодологического вывода выходит далеко за пределы непосредственного предмета анализа, а устройство обобщающей таблицы, приведенной на с. 327–329, может служить образцом четкости для всякого исследователя, ставящего перед собой задачу развести общетипологические, генетические и ареальные факторы в устройстве схожих, но неидентичных грамматических явлений в компактной выборке языков.

Актуальность диссертационного исследования определяется необходимостью на новом историческом этапе, в то время, когда уже накоплены результаты типологического подхода к глагольным категориям и, в частности, к глагольному аспекту (виду), ввести в обиход общей лингвистики данные частных лингвистик (русистики, славистики, балтистики, картвелистики и т.д.) об одном из наиболее интересных грамматических феноменов – префиксальной перфективации глагола.

Теоретическая значимость работы определяется предложенным в диссертационном исследовании комплексным подходом к предмету изучения – морфосинтаксическим и функционально-семантическим характеристикам глагольных префиксов и их подмножества – превербов – в изучаемых языках, превербных глаголов, а также соответствующих глагольных систем. Данный комплексный подход предполагает сочетание методов типологической и ареальной лингвистики (с использованием количественного анализа), а также сравнительно-исторического языкознания и контактологии, что в совокупности позволило автору представить достаточно полную

картину возникновения аспектуальных систем в изучаемых языках с одновременной дифференциацией характеристик этих систем, унаследованных от праязыков, и характеристик, возникших в результате контактного взаимодействия или развития в соответствии с известными общетипологическими тенденциями.

Основа аналитического метода, используемого П. М. Аркадьевым, заключается в том, что включенные в выборку языковые системы рассматриваются «снизу вверх»: анализ начинается от частных осязаемых явлений низового уровня, осмысляемых как точки в пространстве типологических возможностей. Такой подход становится все более популярным в типологии (ср. понятие *multivariate typology*), постепенно вытесняя привычные холистические подходы. Однако развитие такого рода идет неравномерно: если в некоторых областях типологии (например, в типологии соединения клауз или выражения актантных отношений) анализ в терминах микропеременных постепенно стал привычным, то для такой сравнительно частной области, как аспектуальные функции превербов, применение подобного подхода представляет собой смелый шаг вперед. Особо необходимо подчеркнуть, что избранный П. М. Аркадьевым подход к избранному объекту изучения предполагает одновременное рассмотрение микропеременных, относящихся к разным уровням, — морфемике, морфосинтаксису, семантике, — и именно в совместном рассмотрении этих аспектов и состоит основная привлекательность избранного принципа.

Новизна диссертационного исследования обусловлена не только и не столько введением в оборот новых фактов, сколько тем, что превербы языков Восточной Европы и Кавказа анализируются в рамках единой выстроенной системы типологических возможностей, а не с позиций конкретных языковых систем (славянских, картвельских или каких-либо иных). Сам автор указывает, что «... работу можно считать отчасти компилятивной, а заслугу автора в первую очередь состоящей в сведении воедино и приведении к общему знаменателю разнообразных языковых данных и не менее разнородных точек зрения на их интерпретацию» (с. 8). Эта формулировка в первой своей части — той, где говорится о компилятивности, — представляется излишне скромной. Даже если многие (но далеко не все) эмпирические факты брались в работе из вторичных источников, осуществленную П. М. Аркадьевым работу невозможно считать компилятивной: новое знание автоматически возникает уже тогда, когда факты отдельных языков «очищаются» от конкретно-языковых традиций анализа. Такое «очищение» далеко не автоматический процесс. Особо следует подчеркнуть ту тщательность, с которой П. М. Аркадьев подходит к определению сетки понятий, накладываемой на факты

отдельных языков (см. в первую очередь раздел 1.3, но также и другие части диссертации).

Таким образом, диссертационное исследование П. М. Аркадзева содержит большое количество сведений, которые будут новыми даже для специалистов по конкретным языковым системам, попавшим в поле рассмотрения. Работа с более простыми признаками (главы 1-4) в основном сводится к тому, чтобы «перевести» доступные сведения из разных понятийных систем в систему противопоставлений, предлагаемую диссертантом. Однако в пятой главе рассматриваются такие параметры межъязыкового варьирования, которые в работах по конкретным языкам часто не осознаются как требующие анализа. Таковы способность использовать превербные глаголы в хабикулярных значениях и в качестве актантов фазовых глаголов, механизмы и распространенность лексикализации превербных глаголов и прочее. Неслучайно пятая глава по объему приближается к суммарному объему трех предыдущих. Тем более не вызывает сомнения новизна и оригинальность основных выводов, лежащих в области ареальной типологии, — они обсуждаются в шестой («квантитативной») и особенно седьмой (самой большой по объему) главах.

Упомянутая седьмая глава, в которой проанализированные в предшествующих разделах факты помещаются в очень широкую перспективу, включающую диахроническое, типологическое и ареально-контактное измерения, является безусловной вершиной всего предпринятого П. М. Аркадзевым исследования. В частности, именно здесь в фокусе внимания автора находится вскрытие тех механизмов, при помощи которых у глагольных префиксов могут развиваться аспектуальные функции. В этой главе приводится множество сведений, которые по отдельности как будто бы носят частный характер: это и типологические параллели за пределами анализируемого ареала, и субстандартные варианты языков Восточной Европы (включая микроязыки), и сведения из истории отдельных языков. Существенно, что в сумме эти частные сведения складываются в убедительную многогранную картину, которая не оставляет сомнений в справедливости основных выводов автора (в частности, о позднем характере развития перфективирующей функции приставок, об отсутствии неслучайной связи между картвельскими и славянскими системами превербов и др.).

К несомненным достоинствам работы П. М. Аркадзева относится и то, что она строится на невероятно обширном эмпирическом и теоретическом фундаменте. Несмотря на то, что в качестве объекта рассмотрения выбрано сравнительно частное явление, оказывается, что его анализ предполагает одновременное обращение ко множеству

различных, логически независимых друг от друга, аспектов: морфемике, семантике, морфосинтаксису и т.д. Эрудиция автора во всех этих областях и его способность разобраться в сложных явлениях сопоставляемых языков производит сильное впечатление. Это касается не только балтийских или абхазо-адыгских языков — то есть языков, в которых П. М. Аркадьев является признанным экспертом, — но и всех остальных рассмотренных языков: германских, картвельских, уральских и др. В этом смысле и сам по себе список научной литературы, привлеченной к рассмотрению диссертантом (692 позиции), можно считать самоценным результатом исследования, так как он представляет собой, насколько можно судить, едва ли не исчерпывающий свод литературы по данной теме.

Вместе с тем, необходимо отметить и некоторые моменты, которые могут быть сочтены если не недостатками представленной работы, то, по меньшей мере, вопросами, требующими обсуждения. Прежде всего, речь может идти о ряде используемых автором понятий и терминов, которые не представляются самоочевидными (превербы, способы действия – Aktionsarten, вторичные имперфективы, ядерные и периферийные контексты и вообще контекст). Предваряя это обсуждение, отметим, что оно имеет характер дискуссии, поскольку сам по себе понятийный аппарат, используемый П. М. Аркадьевым, представляется хорошо продуманной и тщательно выстроенной системой.

1. *Превербы*. Это понятие является центральным в проведенном исследовании и, в некотором смысле, системообразующим. С логической точки зрения раздел 1.1, где оно определяется, и его использование далее по тексту не вызывают нареканий, но в двух отношениях вопросы у читателя все же остаются.

Во-первых, одновременное указание и на содержательные свойства, и на линейную позицию при определении грамматических единиц довольно необычно. Действительно, прилагательные, личные глагольные аффиксы, посессивные показатели и т. под. обычно определяются так, чтобы в соответствующие классы объектов попадали единицы независимо от их линейной позиции; предлоги и послелогои для типолога скорее подклассы одного явления, различающиеся по одному из параметров, чем два разных объекта. В этом смысле преверб выглядит нетривиальным объектом: его определение включает и содержательные, и линейные признаки. Для оправданности такого объединения требуется, чтобы существовала регулярная связь между линейными и функциональными признаками. Если автор убежден в существовании такой связи, то стоило бы это эксплицитно оговорить: из краткого сравнения превербов и приглагольных наречий в разделе 7.2.2 (с. 281-296)

это, в общем, не следует. Некоторая искусственность решения не рассматривать единицы, отличающиеся от превербов только линейной позицией, ощущается в случае с германскими и финно-угорскими языками; в частности, немецкие «отделяемые приставки» попадают в поле рассмотрения, а аналогичные по функции единицы английского и скандинавских языков затрагиваются лишь по касательной.

Во-вторых, после рабочего определения превербов в разделе 1.1 недостает обсуждения конкретных явлений из рассматриваемых в работе языков, где четко показывалось бы, какие объекты соответствуют принятому определению, а какие нет. Так, в определение преверба, используемое автором, входит следующий признак: «превербы способны присоединяться к глаголам, обозначающим перемещение, и специфицируют какие-либо аспекты пространственного расположения их актантов» (с. 24). Представляется, что, например, немецкие неотделяемые приставки (*be-*, *ge-* и т.д.) этим свойством не обладают, однако в число превербов они все же включаются. Видимо, основанием для этого служит их (частичное) сходство с отделяемыми приставками, которые могут выражать пространственные значения.

Аналогичный вопрос возникает и в связи с адыгскими «превербами», про которые сам автор сообщает, что их основная масса «строго говоря, вообще не связана с движением, а характеризует ориентир, относительно которого локализуется или перемещается объект» (с. 77). Если это так, то встает вопрос, почему эти единицы все же включаются в число превербов (видимо, по той причине, что «нестрого» говоря, они с движением все же связаны).

Интересно, что немецкий и адыгейский входят в число тех немногих языков выборки, в которых у «превербов» слабее всего выражена связь с перфективацией; в связи с чем возникает вопрос о том, случайно ли это совпадение. Как бы то ни было, композиционно возникает разрыв между четким определением ключевого понятия в разделе 1.1 и списком реально анализируемых объектов, который отчасти формируется явочным порядком.

2. *Способы (глагольного) действия.* Одна из несомненных заслуг П. М. Аркадьева состоит в том, что он выстраивает понятийную систему, не привязанную к известным фактам отдельных языков (в первую очередь такое абстрагирование необходимо в отношении славянских языков). Представляется, что с разными понятиями эта задача решена не в равной степени успешно. Одним из сложных

понятий при собственно типологическом рассмотрении оказываются «способы действия» (Aktionsarten). На с. 93 диссертации приводится рабочее определение этого понятия: «способы глагольного действия — это словообразовательные категории, тем или иным образом модифицирующие семантику исходного глагола». Очевидно, что в действительности под способами действия автором понимается нечто существенно более узкое. Например, значения, связанные с пространственными или дейктическими противопоставлениями, а также показатели актантной деривации в число «способов действия» не включаются (ср., впрочем, упоминание комитативного способа действия на с. 94), даже если в каких-то языках они относятся к области словообразования (то, что во всех этих случаях значение глагола «тем или иным образом модифицируется», сомнений не вызывает). На практике под способами действия в работе понимаются категории, близкие привычным славянским способам действия (то есть с учетом обычной для славянской аспектологии семантической составляющей — указания на «характер протекания во времени»¹), хотя, по всей видимости, эта интуитивная близость не получает у автора четкого определения.

3. *Вторичный имперфектив*. Аналогичная мысль о «скрытой славяноцентричности» возникает и при обсуждении вторичных имперфективов: здесь также выясняется, что некоторому формальному «прототипу» в наибольшей мере соответствуют славянские языки (с. 145-146). При этом, учитывая, как именно вводится это понятие (см. определение на с. 142 и, там же, признание того факта, что «прототипическая вторичная имперфективация — это морфологическая деривация, применяющаяся к превербному терминативному глаголу»), не вполне понятно, могло ли бы — хотя бы теоретически — оказаться как-то иначе. По-видимому, более вероятно, что нет. Вообще говоря, остается не совсем понятным, можно ли такое «конкретное» понятие, как «вторичная имперфективация», определить так, чтобы полученная дефиниция не была априорно ориентирована именно на ту картину, которая знакома нам по славянским языкам. Интересно, что, судя по примерам, в рамках славянских языков «вторичные имперфективы» понимаются П. М. Аркадьевым широко: по

¹ Здесь приведен фрагмент из определения способов действия, данного М. А. Шелякиным на с. 66 в коллективной монографии: Бондарко А. В. (отв. ред.) Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность, Временная локализованность. Таксис. Изд. 4-е. М.: КомКнига, 2006. Однако то или иное указание на семантику способов действия, на их отнесенность к аспектуальности, к протеканию действия глаголов во времени, мы находим и у других авторов, например, у Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелева на с. 104 в их монографии: Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000; а также у Ю. С. Маслова в статье: Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 191 (то же — и в более поздних публикациях автора).

крайней мере в их число включаются такие глаголы НСВ, которые образованы от приставочных глаголов СВ, не образующих в свою очередь видовые пары с бесприставочными (непроизводными) глаголами. В частности, к числу вторичных имперфективов отнесены *приючать* (образованный от *приютить*, но этот последний глагол едва ли можно считать парой к *ютить*), см. с. 147, и даже *понимать* (сноска 83 на с. 153-154), являющийся вторичным имперфективом только в диахроническом ракурсе. Фактически получается, что в число вторичных имперфективов в русском языке, видимо, включаются все префиксальные глаголы НСВ, образованные при помощи суффиксов *-ыва/-ва/-а*. Для русского языка, возможно, такое понимание и имеет право на существование, но каков в этом случае оказывается точный алгоритм для поиска вторичных имперфективов в иных языках, остается не вполне понятно.

В связи со вторичными имперфективами хотелось бы высказать и еще одно соображение. Некое недоумение у читателя, хорошо знакомого со славянской аспектологией, возникает в связи со следующим вопросом: каким образом при довольно полно представленном, судя по списку литературы и по упоминаниям в тексте диссертации в другой связи работам этого автора, оказалась полностью обойденной вниманием известная концепция Ю. С. Маслова, в соответствии с которой грамматическая категория вида в славянских языках (если более строго – в болгарском и русском) носит словоизменительный характер и формируется именно морфологическими показателями вторичной имперфективации (см., в частности: Маслов Ю. С. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963, а также другие, вошедшие в перечень использованной диссертантом литературы публикации этого автора – 1961, 1978, 1984 гг., а также сборник избранных трудов 2004 года издания). П. М. Аркадьев, естественно, имеет полное право не соглашаться с этой концепцией, однако хотелось бы увидеть в его исследовании хотя бы краткое ее обсуждение и аргументацию по поводу ее (не)принятия. Тем более, что прецедент тщательно аргументированной критики одного из теоретических построений – гипотезы В. И. Абаева о том, что «механизм перфективирующей префиксации был заимствован кавказскими языками из славянских» (с. 312) – в работе П. М. Аркадьева имеется.

Продолжая разговор о «скрытой славяноцентричности», отметим, что местами в работе все же возникает ощущение, что аспектуальные явления признаются соответствующими прототипу именно в той мере, в какой они характерны для славянских

языков. Так, на с. 205, непосредственно перед квантитативным анализом распределений признаков, говорится: «[р]ечь пойдет, среди прочего, о том, насколько системы префиксального перфектива в изученных языках соответствуют „славянскому“ прототипу». В целом в «квантитативной» шестой главе проблема ориентации на славянскую картину, которая заведомо возводится в ранг прототипической, возникает неоднократно и даже косвенно признается самим автором, ср. комментарий на с. 208: «Значения признаков 3.1–3.8 для адыгейского и немецкого языков приведены с определенной долей условности ввиду отсутствия в этих языках, особенно в адыгейском, префиксальной перфективации в строгом смысле слова». Получается, что анализируемые признаки частично строятся на презумпции о том, что префиксы должны иметь перфективирующую функцию. Выборка же включает в том числе языки, в которых этого не наблюдается или наблюдается в принципиально меньшей степени, чем в славянских. Таким образом, если для славянских языков изучение разных признаков в связи с превербными глаголами и в связи с перфективированными глаголами – это, в первом приближении, одно и то же, то для других языков это совсем не так, что создает трудности для последовательного применения признаков, используемых в квантитативно-типологическом разделе. Думается, что в исследование все же проникает элемент той «славяноцентричности», с которой в других местах своей работы сам автор беспощадно борется.

Приведенные выше положения носят по большей части дискуссионный характер и не умаляют общей высокой оценки выполненного П. М. Аркадьевым исследования, представленного к защите.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что его результаты могут (и должны) быть учтены в рамках обзоров по общей, типологической и ареальной аспектологии, теоретической морфологии и грамматической семантике, в том числе в программах соответствующих университетских учебных курсов и в учебных пособиях. К числу лингвистических дисциплин, изучаемых в высшей школе и обогащенных в результате исследования П. М. Аркадьева, следует также добавить курсы по славистике, балтистике, кавказоведению. Кроме этого, следует согласиться с диссертантом (см. автореферат, с. 5) в том, что результаты проведенного исследования могут быть использованы как для уточнения сведений об аспектуальных характеристиках превербных глаголов в описательных и теоретических грамматиках, а также словарях исследованных языков, так и для создания типологических баз данных, имеющих целью изучение аспекта (вида) и других глагольных категорий.

Основные результаты и выводы диссертационного исследования нашли отражение в более чем пяти десятках публикаций П. М. Аркадьева, выполненных на русском и английском языках, в том числе в 16 публикациях в изданиях, рекомендованных ВАК для опубликования результатов диссертационных исследований. Кроме того, методология исследования и ее промежуточные результаты прошли апробацию в ходе нескольких десятков российских и международных конференций, симпозиумов и семинаров в период 2005-2016 гг., на которых диссертант выступал с докладами. Среди них: международный симпозиум «Baltic Languages, Slavic languages: contact, confrontation, comparison», Париж, апрель 2006; международный симпозиум «Cross-Linguistic Semantics of Tense, Aspect and Modality», Неймеген, ноябрь 2006; круглый стол «Ареальное и генетическое в структуре славянских языков», Москва, Институт славяноведения РАН, сентябрь 2007; XIV Международный съезд славистов, Охрид, сентябрь 2008; IX, XI и XII международные конгрессы по виду, акциональности, времени и модальности Chronos (Париж, сентябрь 2009; Пиза, июнь 2014; Кан, июнь 2016); международная конференция «Current Advances in Caucasian Studies», Мачерата, январь 2010; 43-й и 46-й конгрессы Европейского лингвистического общества (Вильнюс, сентябрь 2010; Сплит, сентябрь 2013); международная конференция «Семантический спектр славянского вида», Гётеборг, июнь 2013; международная конференция «Научное наследие и развитие идей Ю. С. Маслова», Санкт-Петербург, ноябрь 2014; международная конференция «Diversity Linguistics: Retrospect and Prospect», Лейпциг, май 2015; международная конференция «The role of prefixes in the formation of aspect and related categories. Problems of grammaticalization», Падуя, сентябрь 2015; XII международный конгресс балтистов, Вильнюс, октябрь 2015; круглый стол «Preverbs in Indo-European languages. Diachronic issues and language contact», Майнц, май 2016; 50-й конгресс Европейского лингвистического общества, Цюрих, сентябрь 2017; международная летняя школа «Ареальная лингвистика и языки России», Вороново, сентябрь 2018.

Положения, выносимые на защиту (см. с. 3-4 автореферата), находят непосредственное обоснование в диссертации «Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа)». В частности, первое положение («[с]истемы глагольных префиксов и префиксальных глаголов славянских, балтийских, картвельских языков, идиша, венгерского и осетинского могут быть плодотворно сопоставлены по ряду морфологических и функционально-семантических параметров, принимающих в этих языках различные значения из ограниченного набора») – в главах 2-5; второе положение («[з]начения типологических параметров в изучаемых языках

демонстрируют ряд нетривиальных зависимостей как между собою, так и от генетической принадлежности языков и их ареальных связей») – в главах 5-6; третье положение («[к]вантитативный анализ признаков изучаемых аспектуальных систем показывает наличие двух кластеров — восточноевропейского и кавказского, — демонстрирующих значительные расхождения по целому ряду параметров, что говорит о существовании не одного, а как минимум двух «прототипов» префиксальной перфективации») – в главе 6; четвертое положение («[п]рефиксальная перфективация в индоевропейских, финно-угорских и картвельских языках является инновацией, возникшей, однако, путем грамматикализации элементов (наречий и частиц с пространственными значениями), восходящих к соответствующим праязыкам) – в главе 7, разделе 7.1; пятое положение («[и]зучение документированных ситуаций контактного взаимодействия систем глагольных превербов и префиксальной перфективации показывает, что в результате такого взаимодействия может происходить как заимствование отдельных превербов и целых систем превербов, так и функциональная перестройка уже имеющейся системы глагольных модификаторов или глагольных префиксов») – в главе 7, разделе 7.2; шестое положение («[о]собенно интенсивные языковые контакты могут приводить к грамматикализации или, наоборот, деграмматикализации систем префиксальной перфективации, однако ни в одном из известных случаев нет прямого заимствования всех или большинства характерных для той или иной аспектуальной системы свойств из одного языка в другой; аспектуальная система языка, испытавшего контактное влияние, всегда в значительной степени является результатом внутреннего развития, пусть даже происходящего с заимствованными единицами») – в главе 7, разделах 7.2 и 7.4; седьмое положение («[в] становлении систем префиксального перфектива в изучаемых языках сыграли роль как универсально-типологические тенденции (превращение глагольных пространственных модификаторов в показатели предельности и перфективности, отмеченное в целом ряде языковых семей за пределами рассматриваемого ареала), так и языковые контакты, однако роль последних скорее является ограниченной; в частности, развитие восточноевропейского и кавказского ареалов префиксальной перфективации очевидным образом проходило независимо») – в разделах 7.2, 7.3, 7.4, а также в «Заключении».

Диссертация П. М. Аркадзева «Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа)» является самостоятельной, законченной квалификационной научной работой и полностью соответствует требованиям пп. 9-14

«Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 (в редакции Постановления Правительства Российской Федерации от 28 августа 2017 г. № 1024), а ее автор заслуживает присуждения ему ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Отзыв составлен доцентом, профессором кафедры общего языкознания федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», доктором филологических наук Еленой Викторовной Горбовой.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры общего языкознания от 5 апреля 2019 г., протокол № 89.08/25-04-1

Заведующая кафедрой общего языкознания СПбГУ,

д.ф.н., проф. Л. А. Вербицкая

ПОДПИСЬ РУКИ

УДОСТОВЕРЯЮ

НАЧАЛЬНИК
КАДРОВЫЙ
М. С. ЗАБОВА

Сведения о ведущей организации:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Россия, 199 034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Тел. +7 (812) 320-07-17, e-mail: president@pu.ru; сайт: <http://phil.spbu.ru/>

Кафедра общего языкознания СПбГУ, тел. +7 (812) 3289510,

e-mail: genling.spb@gmail.com